

I

— Она спит.

— Притворяется. Пошли.

Так шептались у постели Матильды Казнав муж и свекровь, за чьими исполинскими сплетающимися тенями на стене она следила из-под ресниц. На цыпочках, потрескивая подошвами, они приблизились к двери. Матильда услышала их шаги по скрипучей лестнице, потом их голоса — один пронзительный, другой хриплый — заполнили коридор первого этажа. Теперь они торопливо пересекали ледяную пустыню вестибюля, отделявшего крыло, в котором жила Матильда, от того, где в смежных комнатах обитали мать и сын. Где-то далеко захлопнулась дверь. Молодая женщи-

Франсуа Мориак

на с облегчением вздохнула, открыла глаза. Над ней свисал с багета, окружая кровать красного дерева, белый миткалевый полог. Ночник освещал несколько синих букетов на стене и зеленый с золотым ободком стакан с водой на круглом столике, дрожавший от маневров паровоза, — вокзал был совсем рядом. Потом все стихло, и Матильда прислушалась к шепоту этой летней ночи (так во время вынужденной остановки поезда пассажир вдруг слышит стрекот кузнечиков на незнакомом поле). Прошел двадцатидвухчасовой экспресс, и весь старый дом содрогнулся: затряслись полы, на чердаке или в одной из нежилых комнат отворилась дверь. Потом поезд прогрохотал по железному мосту, перекинутому через Гаронну. Матильда, вся обратившись в слух, старалась проследить как можно дальше за этим грохотом, быстро заглохшим в шорохе ветвей.

Она задремала, потом проснулась. Кровать ее опять дрожала: не весь дом, только кровать. Меж тем не было никакого поез-

да — станция спала. Лишь несколько секунд спустя Матильда поняла, что это озноб сотрясает ее тело. У нее стучали зубы, хотя ей уже стало жарко. Дотянуться до термометра, лежавшего на столике у изголовья, она не смогла.

Потом дрожь утихла, но внутренний огонь подымался, как лава; она вся горела. Ночной ветер раздул занавеси, наполнил комнату запахом жасмина и угольной гари. Матильда вспомнила, как страшно ей было позавчера, после выкидыша, когда к ее телу, залитому кровью, прикасались проворные и ненадежные руки повитухи.

«У меня, наверно, больше сорока... Они не захотели пригласить сиделку...»

Ее расширенные зрачки уставились на колеблющийся венчик света на потолке. Руки сжали юные груди. Она позвала громким голосом:

— Мари! Мари де Ладос! Мари!

Но как могла ее услышать служанка Мари (прозванная де Ладос, потому что ро-

дилась в селении Ладос), которая спала на чердаке? Что это за темная масса возле окна, этот лежащий и словно бы нажравшийся — а может, притаившийся — зверь? Матильда узнала помост, воздвигнутый некогда по велению свекрови в каждой из комнат, чтобы ей было удобнее следить за сыном, — делал ли он «свой круг» на Севере, прогуливался ли по Южной аллее или возвращался, подстерегаемый ею, через Восточные ворота. Именно на одном из таких помостов, в маленькой гостиной, Матильда увидела в один прекрасный день, будучи невестой, эту огромную разъяренную женщину, которая, вскочив, топала ногами и кричала:

— Не видать вам моего сына! Никогда вы у меня его не отнимете!

Между тем внутренний жар спадал. Бесконечная усталость, раздавив все ее существо, не позволяла шевельнуть даже пальцем — хотя бы для того, чтобы отлепить рубашку от потного тела. Она услышала скрежет двери, выходящей на крыльцо. Это

был час, когда г-жа Казнав и ее сын, вооружившись фонарем, шли через сад к сооруженному возле крестьянского дома укромному местечку, ключи от которого хранили при себе. Перед Матильдой встала сцена, повторявшаяся ежедневно: они поджидали друг друга, продолжая разговаривать через дверь с вырезанным сердечком. Ей опять стало холодно. Зубы стучали. Кровать дрожала. Матильда нашарила рукой шнурок звонка — допотопной системы, вышедшей из употребления. Дернула, услышала, как трется о карниз канатик. Но колокольчик даже не звякнул в доме, погруженном во мрак. Матильда снова пылала. Зарычала собака под крыльцом, потом раздался ее яростный лай, кто-то шел по тропке между садом и вокзалом. Она подумала: «Еще вчера я испугалась бы!» В этом огромном доме, вечно сотрясаемом дрожью, где наружные стеклянные двери не были даже защищены глухими ставнями, ей случалось проводить ночи в безумном страхе. Сколько раз

Франсуа Мориак

она вскакивала на постели, крича: «Кто там?» Но теперь ей больше не страшно — точно в этом пылающем костре она сделалась неуязвимой. Собака все еще скулила, хотя звук шагов затих. Матильда услышала голос Мари де Ладос: «Quès aquo, Réliou!»* Потом услышала, как Пелью радостно забил хвостом по каменному крыльцу, а та успокаивала: «Là! Là! tuchaou!»** Огонь снова покидал эту снедаемую им плоть. Безмерная усталость переходила в покой. Ей казалось, она вытягивает свои изнемогшие члены на песке, у моря. Молиться она и не думала.

* Чего лаешь, Пелью! (*диалект*).

** Ну, ну, замолчи! (*диалект*).

II

Далеко от этой спальни, по другую сторону вестибюля, в маленькой гостиной рядом с кухней мать и сын глядели, как угасают и вновь вспыхивают головешки в камине, хотя уже стоял июнь. Опустив на живот недовязанный чулок, мать почесывала длинной спицей голову, где между крашеными волосами проглядывала белая кожа черепа. Сын отложил материнские ножницы, которыми вырезал изречения из дешевого издания Эпиктета. Этот бывший воспитанник Политехнического решил, что книга, где будет собрана воедино вся мудрость, проповедуемая от начала рода человеческого, откроет ему с математической точностью тайну жизни и смерти. Поэтому он усердно копил

всевозможные сентенции, тешился их вырезыванием, как ребенок, и только в этом занятии находил облегчение. Но сегодня вечером ни мать, ни сын не могли уйти от своих мыслей. Внезапно вскочив, Фернан Казнав вытянулся во весь свой рост и сказал:

— Мне кажется, зовут.

И, шаркая шлепанцами, двинулся к двери. Но мать тотчас настигла его:

— Не пойдешь же ты снова через вестибюль? Ты сегодня вечером трижды кашлял.

— Она совсем одна.

Что с ней может стрястись, по его мнению? Слишком уж он суетится из-за какого-то «несчастливого случая»!

Взяв старую женщину за руку, он попросил ее прислушаться. Только паровоз да соловей в ночи; только обычные потрескивания от паровозных маневров. Но теперь — до первого поезда на рассвете — дом не будет дрожать. Случалось, однако, что длинные товарные составы, шедшие вне расписания, сотрясали почву, и тогда каждый из

Казнавов, внезапно разбуженный, зажигал свою свечу, чтобы посмотреть, который час. Они снова уселись, и Фелисите, чтобы отвлечь внимание сына, сказала:

— Помнишь? Ты хотел вырезать одну мысль, которую прочел сегодня ночью.

Он помнил. Это было у Спинозы — что-то вроде «мудрость в раздумьях о жизни, а не о смерти».

— Хорошо, правда?

У него было больное сердце, и в выборе сентенций им руководил ужас перед конечной. Кроме того, он инстинктивно тянулся к мыслям, легко доступным его уму, больше понаторевшему в цифрах, нежели в отвлеченных идеях. Он мерял шагами комнату, оклеенную зелеными обоями, на которых были вытеснены карты. Диванчик и кресла, обитые черной кожей, напоминали мебелировку залов ожидания. Узкие и длинные полосы темно-красной материи окаймляли окна. Лампа, поставленная на письменный стол, освещала раскрытую книгу, деревян-

ный стаканчик с перьями, магнит и кусочек почерневшего воска. Под стеклом пресс-папье улыбался Тьер. Возвращаясь из глубины комнаты к г-же Казнав, Фернан заметил на ее сером и отечном лице гримасу сдерживаемого смеха. Он устремил на мать вопросительный взгляд. Она сказала:

— Это даже не был бы мальчик.

Он возразил, что Матильда в этом не виновата. Однако старуха, покачивая головой и не подымая глаз от вязанья, похвалилась, что с первого взгляда «раскусила эту ничтожную гувернантку». Фернан, который снова уселся подле столика, где среди искромсанных сборников афоризмов поблескивали ножницы, осмелился:

— Какая женщина пришлась бы тебе по душе?

Неистовое ликование старой дамы прорвалось наружу:

— Уж, во всяком случае, не эта!

Она вынесла приговор на второй день, когда эта пустельга посмела прервать своим

«вы уже это рассказывали» повествование упоенного собой Фернана, вспоминая, как он сдавал экзамены и единственный раз провалился в Политехническом, не заметив коварной ловушки в задаче, и каким, наконец, красивым жестом завершил он тот вечер, когда, желая продемонстрировать силу характера, облачился во фрак и отправился в оперу слушать «Гугенотов».

— Ну, и все прочее, о чем я даже не хочу говорить!

Эта идиотка быстро оскандалилась! И двух месяцев не понадобилось, чтобы возлюбленный сын вернулся почивать в свою школьную постельку у стены, отделявшей ее от материнской спальни. А втируша почти всегда оставалась в одиночестве, в другом крыле дома. Отныне с ней считались даже меньше, чем с Мари де Ладос, вплоть до дня, когда ее надоумило поступить на манер тех женщин, которые в эпоху террора спасались в последнюю минуту от эшафота, сказавшись беременными. Поначалу